

Хронопат

Барон Скит

Барон Скит

Хронопат

«Автор»

2026

Скит Б.

Хронопат / Б. Скит — «Автор», 2026

«Хронопат» — первая книга мрачного метафизического цикла «Палимпсест». Это психологический хоррор о том, что каждый человек носит в себе слои всего несказанного и неделанного. О том, что реальность — это текст, который можно читать, переписывать и отражать. И о том, что за каждое знание нужно платить собой.

© Скит Б., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Умиряющая газета	5
Глава 2. Странная страсть	9
Глава 3. Гримуар	13
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Барон Скит Хронопат

Глава 1. Умирающая газета

Артём Лужков проснулся от того, что у него затекла рука.

Он лежал на животе, уткнувшись лицом в подушку, и его правая рука, свесившаяся с кровати, онемела до состояния куска дерева. Он попытался пошевелить пальцами, но те не слушались — только глухая, неприятная пульсация в кончиках пальцев, будто по ним били крошечными молоточками. Он перекатился на спину, вытянул руку, и тысячи иголок впились в кожу, заставляя его поморщиться.

В комнате было серо и холодно. Свет, просачивающийся сквозь грязные окна, был тем особенным, утренним светом марта, который не обещает тепла, а только напоминает о том, что зима уходит неохотно. За окном, за шумом проезжающих машин, слышалось, как с крыши капает вода — где-то на карнизе таяла последняя наледь.

Артём сел на кровати, потирая онемевшую руку. Голова была тяжёлой, словно налитой свинцом. Вчера он засиделся за полночь, пытаясь дописать статью о местном краеведческом музее, который собирались закрыть из-за отсутствия финансирования. Статья вышла скучной, пресной, полной официальных формулировок и ничего не значащих цифр. Он сам её ненавидел. Но, как говорил редактор, «газета должна выходить, Лужков, даже если ты пишешь о том, как сохнет чернила в авторучке».

Он провёл рукой по лицу, пытаясь стряхнуть остатки сна, и в этот момент что-то кольнуло его в запястье. Остро, как укол булавки. Он отдернул руку и посмотрел на неё.

Ничего. Кожа была чистой, бледной, с едва заметными голубыми прожилками вен. Ни царапин, ни укусов, ни следов от уколов.

Он потёр запястье пальцами. Место, где только что была боль, теперь просто слегка покалывало. Странно. Может быть, отлежал. Или нервный тик. Последние две недели он почти не высыпался, пил слишком много кофе и вообще чувствовал себя выжатым, как старый лимон.

Он встал с кровати и направился в ванную. Пол был холодным, и босые ноги оставляли на нём слабые влажные следы. Запах старой квартиры — смесь пыли, книжной бумаги и застоявшегося воздуха — ударил в нос, как только он открыл дверь. Артём жил в этом съёмном жилье уже три года, но так и не привык к этому запаху. Он казался ему запахом чужой жизни, оставшейся здесь до него.

В ванной он умылся ледяной водой. Холод обжёг лицо, прогоняя остатки сна. Он посмотрел на себя в зеркало. Оттуда на него глянул бледный, худой мужчина лет тридцати с тёмными кругами под глазами и давно не стриженными тёмными волосами. Он выглядел лет на сорок. Или на все пятьдесят. В последнее время ему казалось, что он стареет быстрее, чем должен. Что каждый день высасывает из него по капле.

Он провёл пальцами по щеке, ощущая колючую щетину. Надо побриться. Надо привести себя в порядок. Надо...

Его взгляд упал на его запястье.

Там, на коже, чуть выше пульсирующей голубой вены, был едва заметный синяк. Серовато-фиолетовый, в форме неправильного круга. Его не было вчера. Он точно знал, что его не было. Он не ударялся, не падал, ни обо что не стучался.

Он поднёс запястье к глазам, пытаясь рассмотреть синяк получше. Три линии, пересекающиеся внутри круга. Три тонкие, почти геометрически правильные линии, которые сходились в центре, образуя нечто вроде стилизованного колеса или... символа.

Сердце пропустило удар.

Он видел этот символ раньше. Где-то. На какой-то книге? Или на фотографии? Или в забытом сне? Смутное, тревожное чувство шевельнулось где-то в глубине сознания, но он не мог ухватить его, не мог вспомнить, откуда знает этот знак.

Он потёр синяк пальцем. Кожа под пальцем была чуть горячее, чем остальная. И там, под ней, словно что-то пульсировало. Не кровь. Что-то другое. Что-то, чему он не мог найти названия.

— Чушь, — сказал он своему отражению. — Просто синяк. Отлежал руку, вот и всё.

Отражение ничего не ответило. Оно просто смотрело на него пустыми, уставшими глазами, и Артёму показалось, что оно смотрит чуть дольше, чем нужно. Чуть пристальнее. Чуть... осмысленнее.

Он моргнул, и наваждение исчезло. Просто усталость.

Он вышел из ванной, наскоро оделся в то, что нашёл на стуле: старые джинсы, серую водолазку и потёртую кожаную куртку. Кофе он пил стоя, глядя в окно на серое мартовское небо. За окном, на противоположной стороне улицы, стоял такой же старый, обшарпанный дом, как и его собственный. В одном из окон горел тусклый свет — кто-то тоже не спал, кто-то тоже готовился к очередному дню, который не принесёт ничего нового.

Артём допил кофе, закинул в рюкзак ноутбук и вышел из квартиры.

В подъезде пахло сыростью и кошками. На лестнице, на перилах, лежал слой пыли, который никто не убирал уже несколько месяцев. Свет в подъезде не горел — лампочка перегорела ещё в прошлом году, и жильцы так и не собрали деньги на новую. Артём спускался в темноте, нащупывая ногами ступеньки, и каждый раз, когда он проходил мимо почтовых ящиков, ему казалось, что кто-то смотрит на него из темноты.

Он вышел на улицу, и холодный ветер ударил в лицо, заставляя его поёжиться. Март обманывал. Он обещал весну, но давал только ветер и грязь. Слякотный снег, перемешанный с песком, хрустел под ногами. Небо было низким и тяжёлым, как свинцовая крышка.

До редакции было пятнадцать минут пешком. Артём шёл по широкому проспекту, который был главной улицей города, но казался слишком большим и пустым для этого маленького, забытого богом и людьми места. Магазины были закрыты, только один круглосуточный ларёк на углу уже открылся, и оттуда пахло дешёвым табаком и пирожками, которые грелись в старой микроволновке.

Город просыпался медленно и нехотя. Как и он сам.

Редакция газеты «Старый Город» располагалась на втором этаже старого купеческого особняка, который давно требовал ремонта. Фасад облупился, штукатурка осыпалась, а на вывеске не хватало двух букв, так что вместо «Старый Город» красовалось «Старый Гоо». Никто не спешил её чинить.

Артём поднялся на второй этаж, толкнув тяжёлую деревянную дверь. Внутри пахло типографской краской, дешёвой бумагой и чем-то ещё — старым, как сама эта газета. Коридор был узким, стены выкрашены в бледно-зелёный цвет, который когда-то, возможно, казался уютным, а теперь выглядел просто болезненным.

В комнате, которую они называли «опен-спейсом», стояло три стола. За одним сидел Палыч, редактор, — мужчина лет пятидесяти с седой щетиной и вечно уставшими глазами. Он допивал свой чай, глядя в монитор старого компьютера, который гудел, как холодильник.

— Привет, Лужков, — буркнул Палыч, не поднимая глаз. — Опять проспал?

— Проспал, — признался Артём, скидывая рюкзак на свой стул. — Ты бы видел, что там за окном. Света нет, темнота...

— Тьма, Лужков, наступает не за окном, — сказал Палыч, отхлебывая чай. — Тьма наступает в душе. Когда ты перестаёшь видеть смысл в том, что делаешь.

Артём усмехнулся.

— Философствуешь с утра?

— Сегодня среда, — сказал Палыч, как будто это всё объясняло. — В среду я всегда философствую. Это у меня традиция.

Артём сел за свой стол. Он был завален бумагами — старыми выпусками газет, распечатками, которые он никогда не читал, и пыльными папками с делами, которые, кажется, никто не открывал уже лет десять. На стене, над его головой, висела старая фотография — городской пейзаж начала двадцатого века, чёрно-белый, с трамваями и людьми в длинных пальто. Он часто смотрел на неё, пытаясь представить, какой была эта улица сто лет назад.

Сейчас он тоже посмотрел на неё. И замер.

На фотографии, в толпе людей, стоявших на тротуаре, он увидел лицо. Чьё-то лицо, которое смотрело прямо в камеру. Оно было бледным, с тёмными кругами под глазами и давно не стриженными тёмными волосами.

Это было его лицо.

Он встал из-за стола и подошёл к фотографии ближе. Сердце забило быстрее. Он вглядывался в лица людей, застывших на старом снимке. Трамвай, вывески магазинов, прохожие... И он сам. Стоящий в толпе, в чёрном пальто, смотрящий прямо в объектив.

Но этого не могло быть. Его не было в том веке. Его не было в том времени.

Он провёл пальцем по стеклу, словно пытаясь стереть видение. Но лицо не исчезало. Оно было там. Реальное. Чужое и одновременно своё.

— Что за ерунда... — прошептал он.

В этот момент в его запястье снова кольнуло. Он отдёрнул руку и посмотрел на синяк. Тот стал ярче. Фиолетовый оттенок сменился на почти чёрный, и линии внутри круга казались чёткими, как начерченные тонким пером.

— Лужков, ты чего там застыл? — голос Палыча вырвал его из транса.

— Да так, — сказал Артём, отходя от фотографии. — Просто... показалось.

— Ага, — Палыч хмыкнул. — Знаешь, что говорят в нашем деле? Если тебе кажется — значит, тебе не кажется. Особенно если ты журналист.

Артём вернулся на своё место, но всё утро он чувствовал на себе взгляд. Не физический, нет. Другой. Словно кто-то смотрел на него из-за слоёв реальности. Из-за времени. Из-за той самой фотографии, на которой он стоял в толпе людей, которых уже давно нет в живых.

Он пытался работать, но мысли путались. Он открыл ноутбук, попытался написать пару абзацев о том самом музее, который собирались закрыть. Текст не шёл. Пальцы зависали над клавиатурой, а в голове звучал странный, едва слышный шёпот. Он не мог разобрать слов, но чувствовал их смысл. Чей-то зов. Чьё-то присутствие.

В час дня, когда Палыч ушёл на обед, Артём остался один в редакции. Было тихо. Только гудел компьютер и тикали старые часы на стене.

Он снова посмотрел на фотографию.

Теперь ему показалось, что лицо на ней повернулось. Чуть-чуть. На несколько градусов. И смотрело не в объектив, а на него, на Артёма, стоящего в комнате, отделённого от него сотней лет и тонким слоем стекла.

Он закрыл глаза и потёр их руками. Голова разболелась. Пульсирующая, тупая боль начала растекаться от висков к затылку.

И в этой боли, в этой тишине, он услышал голос. Тихо, отчётливо, прямо в его голове.

— Ты видел знак, мальчик.

Артём открыл глаза и резко обернулся. В комнате никого не было.

— Это просто усталость, — сказал он вслух. — Просто усталость и нервный срыв.

Но синяк на его запястье пульсировал, и где-то глубоко внутри Артём знал, что это было не просто усталостью. Это было начало. Начало чего-то, что уже давно ждало его. Чего-то, что жило в слоях, которые он даже не подозревал в себе.

Он снова посмотрел на фотографию. И на этот раз он увидел её. На заднем плане, в тени здания, стояла фигура. Высокая, в чёрном цилиндре, с тростью в руке. Фигура смотрела прямо на камеру.

Артём моргнул. Фигура исчезла.

Он остался один в пустой комнате, с пульсирующим синяком на запястье и чувством, что за ним кто-то наблюдает. И этот кто-то был ближе, чем он мог себе представить.

Он посмотрел на часы. 15:14.

Странное время. Он не замечал его раньше. Но почему-то именно сейчас оно показалось ему значимым. Он записал его в уме, не понимая зачем. Просто запомнил. 15:14. Час, когда всё начало меняться.

Глава 2. Странная страсть

Вечер вернулся в квартиру Артёма вместе с запахом сырости и старых обоев. Он закрыл за собой дверь, скинул куртку на стул и остановился посреди комнаты, не зная, чем себя занять. Рутинка. Обычная, знакомая до оскомины рутинка, которая всегда спасала его от мыслей.

Сегодня не спасала.

Он прошёл на кухню, налил себе чай, но не выпил его. Поставил кружку на стол и устоялся в одну точку. На стене, над письменным столом, висела его коллекция. Он называл её «странной страстью» и редко показывал гостям, потому что объяснять было сложнее, чем просто промолчать. Старые карты, вырезанные из книг по истории, несколько пожелтевших гравюр, изображающих средневековые города, и несколько странных вещей — керамическая фигурка с тремя лицами, непонятного происхождения медальон с рунами, пара старых монет, которые он купил на барахолке за бесценок. Всё это лежало на полках, собирало пыль и ждало.

Ждало чего?

Артём никогда не задавал себе этот вопрос всерьёз. Он просто любил старые вещи. Любил трогать их, представлять, чьи руки держали их раньше. Любил воображать истории, которые они могли бы рассказать. Это было его убежище. Когда в газете становилось слишком тоскливо, когда Палыч загонял его в депрессию своей философией, Артём возвращался домой и садился за стол. Перебирал свои сокровища. Смотрел на них. И чувствовал, как внутри него разливается странное, почти болезненное спокойствие.

Иногда ему казалось, что эти вещи помнят больше, чем он сам.

Сегодня он подошёл к полке и взял в руки ту самую фигурку с тремя лицами. Она была маленькой, размером с его ладонь, вылепленной из грубой глины. Три лица смотрели в разные стороны, и в каждом из них было что-то разное. Одно улыбалось, другое плакало, третье было пустым.

Он никогда не понимал, что она означает. Продавец на рынке сказал, что это «защитный амулет» и что он «отгоняет злых духов». Артём усмехнулся тогда, но купил. Просто потому, что она была странной.

Теперь он держал её в руке, и она казалась тёплой. Слишком тёплой.

Он поставил её обратно и посмотрел на часы. 20:47. Ещё не поздно. Можно было бы пойти на кухню, поесть, выпить ещё чаю. Или лечь спать. Или попытаться написать статью — ту самую, о музее, которую он так и не закончил. Но он не мог сосредоточиться. Всё утро, весь день он чувствовал на себе этот взгляд. Тот, что из фотографии. Тот, что из его собственного отражения.

Он подошёл к зеркалу, висящему в прихожей, и посмотрел на себя. Обычное зеркало. Обычное лицо. Ничего странного. Только усталость. И синяк на запястье, который стал ярче к вечеру. Он коснулся его пальцем. Кожа горела, как от ожога.

— Что с тобой? — спросил он у своего отражения.

Отражение ничего не ответило. Просто смотрело на него. Или ему казалось?

Он отвернулся и направился к двери. Ему нужно было выйти. Пройтись. Проветриться. Что угодно, лишь бы не сидеть в этой комнате, где стены, казалось, сжимались.

Он вышел на улицу в куртке, накинута на рубашку. Вечер был холодным, но безветренным. Небо очистилось, и между облаками проглядывали редкие звёзды. Город затихал. Только редкие машины проезжали по главной улице, и где-то вдалеке лаяла собака.

Артём шёл без цели. Ноги сами несли его по знакомым улицам, мимо закрытых магазинов и тёмных окон. Он свернул за угол и оказался на маленькой улочке, которую почти не помнил. Здесь было тихо. Старые фонари горели тусклым желтым светом, а на домах висели таблички с названиями улиц, написанными старым шрифтом.

И в конце этой улочки он увидел свет. Свет в окне маленькой, почти незаметной лавки. Он подошёл ближе. Над дверью висела вывеска, потёртая и старая: «АНТИКВАРНАЯ ЛАВКА». Без названия. Без адреса. Просто слова.

Дверь была приоткрыта. Изнутри пробивался тёплый, желтый свет, и пахло пылью, старым деревом и временем.

Артём не знал, что его толкнуло войти. Ноги сделали шаг сами. Он толкнул дверь, и она открылась с лёгким скрипом.

Внутри было тесно. Полки от пола до потолка были заставлены книгами, статуэтками, шкатулками, старыми часами и непонятными предметами, которые Артём не мог сразу опознать. В воздухе висела пыль, которую освещал тусклый свет единственной лампы, стоящей на прилавке.

За прилавком сидел старик. Он был худым, с длинной седой бородой и глазами, которые казались слишком яркими для его возраста. Он смотрел на Артёма так, будто ждал его.

— Добрый вечер, — сказал Артём, чувствуя себя неловко. — Я... просто зашёл. Увидел свет.

— Конечно, зашли, — ответил старик. Его голос был тихим, хриловатым, но в нём было что-то странно знакомое. — Вы всегда заходите, когда видите свет. Вы ищете что-то конкретное?

— Не знаю, — признался Артём. Он оглядел полки. На них лежали вещи, которые, казалось, помнили больше, чем все живые люди в этом городе. Старые книги в кожаных переплётках. Черепа животных с выгравированными символами. Зеркала в потускневших рамах.

Артём подошёл к одному из зеркал. Оно было маленьким, в овальной серебряной оправе. Стекло слегка потемнело от времени. Он посмотрел в него.

И замер.

В зеркале, за его спиной, на секунду появилась тень. Высокая, в цилиндре. Она стояла у двери, опираясь на трость. И смотрела на него.

Артём резко обернулся.

Никого. Только старик за прилавком, который смотрел на него со странной полуулыбкой.

— Что-то не так? — спросил старик.

— Нет... просто показалось.

— Третье правило антиквара, — сказал старик, и его голос стал чуть глубже. — Если предмет смотрит на тебя — беги.

Артём почувствовал холод. Не в комнате — внутри себя.

— Что вы имеете в виду? — спросил он, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Старик пожал плечами.

— Старая поговорка. В нашем деле есть вещи, которые не должны иметь глаз. Но некоторые из них... помнят. И они смотрят на тебя, когда ты думаешь, что они просто предметы.

Он протянул руку к одной из полок и снял книгу. Она была толстой, в чёрном кожаном переплёте, потрескавшемся от времени. На обложке не было названия. Только вытисненный золотом символ.

Круг с тремя линиями внутри.

У Артёма перехватило дыхание. Он узнал этот символ. Тот же, что был на его запястье.

— Что это? — спросил он, указывая на книгу.

— Старый гримуар, — ответил старик. — Ничего особенного. Просто книга о том, как видеть прошлое.

Артём почувствовал, как его сердце пропустило удар. «Как видеть прошлое». Эти слова отозвались в нём чем-то древним, чем-то, что он не мог объяснить.

— Можно посмотреть? — спросил он, протягивая руку.

Старик посмотрел на него. Долгим, тяжёлым взглядом. Его глаза — яркие, почти светящиеся — изучали лицо Артёма, как будто он читал что-то, что было скрыто от других.

— Вы уверены? — тихо спросил он. — Такие вещи не даются просто так. За них нужно платить.

— Чем? — спросил Артём, и голос его прозвучал хрипло.

Старик усмехнулся. Это была невесёлая усмешка.

— Временем, мальчик. Или памятью. Или чем-то, что вам дороже.

Он протянул книгу Артёму. Тот взял её, и почувствовал, как по его руке пробежал электрический разряд. Не больно. Странно. Как будто книга узнала его.

Он открыл первую страницу. Символ круга с тремя линиями был выгравирован на титульном листе. А под ним стояла дата: «3.14.1587».

— Это опечатка? — спросил Артём, указывая на дату.

— Нет, — ответил старик. — Это не опечатка. Это день, когда книга была написана. И день, когда она начала ждать своего читателя.

Артём перевернул ещё несколько страниц. Внутри были рисунки — схемы, руны, символы. И текст, написанный от руки старым, потускневшим почерком. Он не мог прочитать большинство слов, но некоторые из них он узнал. «Палимпсест». «Слой». «Память».

— Что это значит? — спросил он, поднимая глаза.

Но старик уже не смотрел на него. Он смотрел в угол комнаты, туда, где стояла тень. Тень, которую Артём видел в зеркале.

— Вам пора идти, — сказал старик, и его голос стал жёстким. — У вас ещё есть время. У вас всегда есть время, пока вы не открыли книгу.

Артём хотел сказать что-то ещё. Спросить. Но что-то внутри него — инстинкт, страх или что-то древнее — заставило его закрыть книгу и положить её на прилавок.

— Сколько? — спросил он.

— Она уже ваша, — сказал старик, не глядя на него. — Она выбрала вас. Вы не можете её не взять.

Артём взял книгу. Она была тяжёлой, почти невесомой. Он сунул её под мышку и вышел из лавки, даже не попрощавшись.

Когда он обернулся, чтобы посмотреть на неё в последний раз, свет в окне уже погас. Лавка исчезла. Вместо неё была тёмная, заколоченная досками дверь старого дома, который, казалось, пустовал уже много лет.

Сердце колотилось. Артём сжал книгу крепче. Она была реальной. Она была здесь. И она пахла чем-то старым — как пахнет библиотека, в которой никто не был сто лет.

Он пошёл домой, не оглядываясь.

В квартире было темно. Он зажёл свет, положил книгу на стол и сел напротив неё. Он смотрел на неё, и чувствовал, как в его запястье пульсирует синяк.

Он открыл книгу снова. Нашёл первую страницу. Начал читать.

Текст был странным. Он напоминал дневник, написанный человеком, который постепенно сходил с ума или... понимал то, что другие не могли понять. Речь шла о «слоях», о «палимпсесте», о том, как реальность — это не то, что мы видим, а то, что мы помним. Или забываем.

Артём перелистывал страницу за страницей, и с каждым словом он чувствовал, как что-то внутри него меняется. Где-то в груди появлялась тяжесть. И голоса. Тихое, едва слышное эхо множества голосов, которые шептали из самой глубины книги.

Он не понял, когда заснул. Просто помнил, как его голова упала на стол, а последнее, что он видел, был символ на обложке. Круг. Три линии. И время на стенных часах: 3:14.

Он проснулся от холода. Шея затекла, а на столе, под его рукой, лежала книга, открытая на середине. Там, на странице, он увидел текст, которого раньше не было. Или он просто не заметил его?

«Ты — первый. Второй ещё не проснулся. Третий уже идёт. Ты должен прочитать. Ты должен увидеть. Палимпсест ждёт».

Артём прочитал это три раза. Слова не менялись. Они были реальными, материальными, как будто их написали чернилами, которые всё ещё не высохли.

Он посмотрел на свою руку. На запястье синяк стал чёрным. А под ним, под кожей, чувствовалось движение. Что-то шевелилось. Что-то чужое. Что-то, что не было им.

Он услышал смех. Тихо, почти беззвучно. Где-то за его спиной. Или у него в голове? Он не знал.

Но он чувствовал: теперь у него есть ответ. Или вопрос. Что-то, что изменит всё.

Он поднял голову и посмотрел в зеркало, висящее на стене напротив. Его отражение смотрело на него. Но оно улыбалось.

Артём не улыбался.

Глава 3. Гримуар

Артём сидел за столом, глядя на книгу, и не мог отвести взгляд. Она лежала перед ним, чёрная, тяжёлая, с вытисненным золотом символом, который пульсировал у него на запястье. Теперь он знал, что это не совпадение. Он смотрел на круг, на три линии внутри, и чувствовал, как они перекликаются с той болью, что жила под его кожей.

— Ты — первый, — прошептал он вслух, перечитывая надпись на странице, которая открылась сама собой. — Второй ещё не проснулся. Третий уже идёт. Ты должен прочитать. Ты должен увидеть.

Он провёл пальцем по словам. Чернила были тёмными, почти чёрными, и они не размазывались, хотя книга казалась старой, намного старше, чем он мог себе представить. От неё пахло временем. Не просто пылью и старой бумагой, а чем-то глубоким, тягучим, как будто сама история, вся целиком, сжалась между этими страницами и ждала, когда кто-то откроет её.

Артём перевернул страницу. Текст был странным. Он напоминал дневник, написанный человеком, который постепенно сходил с ума или, наоборот, прозревал. Предложения были короткими, резкими, иногда обрывались на полуслове. Словно автор записывал мысли, которые ускользали от него, и он торопился, боясь забыть.

«Реальность — это не то, что мы видим. Реальность — это то, что мы помним. И то, что мы забываем. Между памятью и забвением есть щель. В этой щели живут слои. Слои невидимы. Но они есть. Каждый человек носит их в себе. Каждый человек — это книга, которую никто не прочитал до конца».

Артём остановился. Слова отозвались в нём странным эхом, как будто он уже слышал их раньше. Как будто они всегда были частью его, просто спали глубоко внутри, ожидая момента, чтобы проснуться.

Он прочитал дальше.

«Палимпсест — это накопление всего несказанного. Всех слов, которые не были произнесены. Всех поступков, которые не были совершены. Всех эмоций, которые не нашли выхода. Он растёт с каждым днём. Он становится тяжелее с каждым часом. Он — тень, которая идёт за тобой. И он голоден».

Сердце Артёма забило быстрее. Он вспомнил утро, синяк на запястье, фотографию в редакции. Вспомнил, как тень в цилиндре смотрела на него из зеркала, из старой фотографии. Как старик в лавке сказал: «Если предмет смотрит на тебя — беги».

Он перелистнул ещё несколько страниц. Теперь текст стал менее связным. Слова распались на отдельные фразы, как будто автор потерял нить мысли. Или как будто его прервали.

«...когда слои становятся слишком толстыми, они начинают давить. Сначала на память. Потом на тело. Потом на реальность...»

«...ты начнёшь видеть прошлое. Не как историю — как настоящее. Ты будешь стоять там, где стояли они. Ты будешь чувствовать их боль. Их страх. Их надежду...»

«...и ты поймёшь, что время — это не линия. Это текст. И его можно переписать...»

Артём закрыл глаза. Голова кружилась. В груди появилась тяжесть, которую он не мог объяснить. Словно кто-то положил ему на сердце камень и медленно давил. Он слышал голоса. Тихо, почти беззвучно. Шёпот, который доносился из книги — или из него самого.

Он открыл глаза и посмотрел на страницу. Там, в самом низу, была надпись, сделанная другим почерком. Мелким, аккуратным, почти каллиграфическим. Будто кто-то добавил её позже.

«Ты — первый. Ты должен провести ритуал. Ночью. В час 3:14. Найди зеркало. Смотри в него. Не отводи взгляд. И ты увидишь то, что скрыто».

Артём провёл пальцем по этой строчке. Чернила были свежими. Он понял это с ужасом: строчка не была написана старым пером. Она была написана сейчас. Кем-то, кто знал, что он откроет эту страницу.

Он резко отодвинулся от стола. Стул с грохотом упал на пол. Сердце колотилось, как бешеное. Он оглядел комнату, но в ней никого не было. Только свет лампы, жёлтый и дрожащий, и тени, которые двигались по стенам. Или ему казалось?

Он подошёл к зеркалу в прихожей. Оно было старым, в деревянной раме, которую он купил на барахолке несколько лет назад. Стекло слегка потемнело от времени. Он смотрел в него, и его собственное отражение смотрело на него — усталое, бледное, с тёмными кругами под глазами.

Но что-то было не так.

Он присмотрелся. Его отражение дышало. Он видел, как его грудь поднимается и опускается. Но он сам стоял неподвижно. Он не дышал.

Или дышал?

Он не мог понять. Граница между ним и отражением стала размытой. Как будто стекло было не стеклом, а тонкой плёнкой, которая отделяла его от чего-то другого.

Он поднёс руку к зеркалу. Отражение сделало то же самое. Их пальцы почти соприкоснулись. Почти. И в этот момент он увидел за своей спиной тень. Высокую, в цилиндре. С тростью в руке.

Он не обернулся. Он не мог. Его глаза были прикованы к зеркалу, к той тени, которая стояла позади него и смотрела на него с пустыми, белыми глазами, в которых не было зрачков.

— Ты уже выбрал, мальчик, — сказал голос. Тихий, спокойный. С лёгкой усмешкой, которая не сулила ничего хорошего. — Ты уже взял книгу. Ты уже прочитал строки. Ты уже знаешь, что будет дальше. Ты не можешь остановиться.

Артём хотел закричать. Хотел оторвать взгляд от зеркала. Хотел убежать. Но его тело не слушалось. Он стоял, как вкопанный, и смотрел, как тень в цилиндре приближается к нему. Медленно. Спокойно. Так, как будто у неё было всё время мира.

— Я — Барон Скит, — сказал голос. — Хранитель всех палимпсестов. И ты — тот, кого я ждал. Ты — первый. Ты — хронопат. Ты будешь читать чужие слои, мальчик. Ты будешь видеть прошлое. Но каждый раз, когда ты заглядываешь в чужую жизнь, ты оставляешь в ней частицу себя. И твой собственный палимпсест становится толще.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.